

Тулский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2024. Вып. 2 (18). С. 159–171.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2024. Issue 2 (18). P. 159–171.

Рецензия

УДК 908

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-2-159-171>

**РЕЦЕНЗИЯ НА КОЛЛЕКТИВНУЮ МОНОГРАФИЮ
«НАСЕЛЕНИЕ КОЛЬСКОГО ПОЛУОСТРОВА МЕЖДУ ДВУМЯ МИРОВЫМИ
ВОЙНАМИ: ВЗГЛЯД ИСТОРИКОВ И АНТРОПОЛОГОВ»,
ПОД ОБЩ. РЕД. О. В. ЗМЕЕВОЙ. М.: НАУКА, 2022. 366 С.**

***Татьяна Владимировна
Бауэр***

Петрозаводский государственный
университет
Петрозаводск, Россия, taty-lis@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6572-2758>

Аннотация. Данная работа представляет собой рецензию на коллективную монографию, подготовленную сотрудниками Центра гуманитарных проблем Баренц региона Кольского научного центра РАН, Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН и Мурманского областного краеведческого музея. Исследование посвящено процессам формирования постоянного населения Кольского полуострова в сложный межвоенный период. В рецензии кратко представлено содержание пяти глав, объектом изучения в которых выступают различные социальные и профессиональные группы, сыгравшие значительную роль в ходе научно-промышленного освоения Кольского Севера и повлиявшие на формирование историко-культурной специфики края. Отличительными характеристиками рецензируемой монографии являются всестороннее раскрытие темы, обширная источниковая база с акцентом на уникальные архивные материалы и труднодоступные опубликованные источники, внимание как к макро-, так и микроисторическим сюжетам, акцентирование внимания на процессах формирования идентичности жителей северных территорий, а также конструирования образа Кольского Севера и истории края.

Ключевые слова: Кольский Север, 1920 – 1930-е годы, социальные группы, социокультурная динамика, индустриализация, фронтир, идентичность.

Для цитирования: Бауэр Т. В. Рецензия на коллективную монографию «Население Кольского полуострова между двумя мировыми войнами: взгляд историков и антропологов», под общ. ред. О. В. Змеевой. М.: Наука, 2022. 366 с. // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2024. Вып. 2 (18). С. 159–171. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-2-159-171>

Сведения об авторе: Т. В. Бауэр – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, Петрозаводский государственный университет, 185910, Россия, Республика Карелия, г. Петрозаводск, ул. Ленина, 33.

© Бауэр Т. В., 2024

Review
UDC 908
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-2-159-171>

**BOOK REVIEW: 'POPULATION OF THE KOLA PENINSULA
BETWEEN THE TWO WORLD WARS:
VIEW OF HISTORIANS AND ANTHROPOLOGISTS'
(ED. BY O. V. ZMEYEVA, MOSCOW: NAUKA, 2022. 366 P.)**

Tatyana V. Bauer

Petrozavodsk State University
Petrozavodsk, Russia, taty-lis@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6572-2758>

Abstract. The paper is a review of a collective monograph prepared by the staff of the RAS Center for Humanitarian Problems of the Barents Region of the Kola Science Center, the Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences and the Murmansk Regional Museum of Local History. The study highlights the processes of the resident population formation on the Kola Peninsula in the difficult interwar period. The review summarizes the contents of the five chapters. The objects of study in these chapters are various social and professional groups that played a significant role in the scientific and industrial development of the Kola North and influenced the formation of the historical and cultural specifics of the region. The distinctive characteristics of the peer-reviewed monograph are the comprehensive developing of the theme, the extensive source base with a focus on unique archival materials and hard-to-find published sources, attention to both macro- and microhistorical subjects, emphasis on the processes of identity formation of the inhabitants of the northern territories, as well as the construction of the Kola North image and the regional history.

Keywords: Kola North, 1920 – 1930s, social groups, socio-cultural dynamics, industrialization, frontier, identity.

For citation: Bauer, TV 2024, 'Book Review: 'Population of the Kola Peninsula Between the Two World Wars: View of Historians and Anthropologists' (ed. by O. V. Zmeyeva, Moscow: Nauka, 2022. 366 p.)', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 2 (18), pp. 159–171, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-2-159-171> (in Russ.)

Information about the Author: *Tatyana V. Bauer* – PhD in Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Russian History, Petrozavodsk State University, 33, Lenina Av., Petrozavodsk, Republic of Karelia, 185910, Russia.

© Bauer T. V., 2024

В 2022 году в издательстве «Наука» вышла коллективная монография, ставшая результатом плодотворного сотрудничества исследователей Центра гуманитарных проблем Баренц региона Кольского научного центра РАН, Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН и Мурманского областного краеведческого музея. Данная работа, подготовленная при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта «Население Кольского полуострова между двумя мировыми войнами: миграции, мобильность, идентичность», представляет интерес не только для специалистов в области истории, этнологии, антропологии и социологии, но и для широкого круга читателей, интересующихся региональными сюжетами и проблемами сохранения культурно-исторической памяти, а также локальной, этнической и региональной идентичности жителей Севера. Исследование посвящено процессам формирования постоянного населения Кольского полуострова в межвоенный период, характеризующийся административно-территориальными преобразованиями и интенсификацией индустриального развития северных территорий. В фокусе внимания исследователей оказываются миграционные процессы, а также проблемы адаптации, идентификации и взаимодействия различных социальных групп. В качестве объекта изучения авторы выбрали колонистов Мурманского побережья, строителей Мурманской железной дороги, саамов как представителей коренного населения, исследователей-«первопроходцев» и спецпереселенцев, т.е. те социальные и профессиональные группы, которые, по мнению исследователей, сыграли значительную роль в ходе научно-промышленного освоения Кольского Севера и повлияли на формирование историко-культурной специфики края [4, с. 12–13].

Идентификация России как северной державы, связанная, в том числе, с торгово-промышленным потенциалом Российского Севера [3, с. 104] актуализует проблему развития данного региона. Однако низкий удельный вес населения, отрицательная динамика численности жителей Мурманской области на 2023 год и закрепление данной тенденции, согласно демографическому прогнозу до 2036 года [9; 7], являются существенным препятствием для использования потенциала северных территорий. Поэтому обращение к советскому опыту освоения Кольского полуострова, предлагающему так называемую «модернизационную» модель колонизации, является необходимым условием для формирования продуманной стратегии развития региона. Исследование процессов освоения края, постепенной стабилизации населения с акцентом на изучение разного рода идентичностей в ретроспективном ключе актуально и с точки зрения корректировки современной политики конструирования как общегражданской, так и локальной идентичности жителей рубежных регионов, поскольку изменение их ценностных ориентаций, политических и геополитических установок, моделей поведения может создавать, как справедливо отмечают авторы, потенциальную угрозу для страны в целом [4, с. 9–10].

Достаточно широкий спектр проблематики, связанной с освоением Кольского Севера, демонстрируют, в частности, материалы областной научно-практической конференции, проведенной в Мурманске в 2015 г. [6]. Однако перечень обзорных исследований, посвященных данной теме, не так уж обширен. Рецензируемая монография в определенной степени продолжает традицию написания обобщающих работ по истории освоения Кольского Севера, заложенную советскими исследователями-краеведами [1; 2; 10] и подхваченную в постсоветский период [5; 8; 11; 12].

Исследование выполнено в рамках историко-антропологического подхода с опорой на теоретико-методологические наработки истории повседневности (труды А. К. Байбурина, Л. Н. Пушкаревой, Н. Рис и др.) и теорий коллективной исторической памяти и идентичности (работы П. Нора, Дж. Александера, Э. Хобсбаума и др.).

В плане проблематики и методологии наиболее важными и близкими для авторов, как отмечается во введении, являлись исследования, посвященные происходившим на Севере процессам модернизации, а также конструированию идентичности жителей северных территории и самого концепта Север [4, с. 11–12].

Заявленные в названии территориальные и хронологические рамки являются весьма условными во многом благодаря специфике как самой территории, так и временного промежутка. Так, фронтирный характер региона и хронологически обрамляющие описываемые в монографии события и процессы мировые войны, требуют осмысления происходившего во всесоюзном и международном контекстах, а экскурсы в предшествующий и последующие периоды позволяют проследить истоки и последствия социокультурных изменений, характерных для межвоенного периода, способствуя их более глубокому пониманию. Последнее особенно важно для читателей, незнакомых с логикой имевших место на региональном уровне процессов, однако в некоторых случаях раздвигание хронологических границ все же выглядит чрезмерным.

Несомненным достоинством работы являются разноплановый иллюстративный материал, расположенный на вклейке: это карты (в том числе составленные самими авторами), фотокопии документов (статистические таблицы, личная документация), а также фотографии, иллюстрирующие значимые события, архитектурный облик населенных пунктов, повседневную жизнь жителей Кольского полуострова и позволяющие воссоздать социальные портреты различных групп населения.

Введение открывается обзором истории региона, причем основное внимание уделяется происходившим на данной территории интенсивным административно-территориальным преобразованиям, которые, тем не менее, не разрушали историко-культурного единства Кольского Севера [4, с. 6–8]. Уделяется внимание терминологическому аппарату исследования, в частности, таким понятиям, как модернизация, специфика которой состояла в ведущей роли научного фактора, фронтир, идентичность. Во введении представлен краткий обзор обширной источниковой базы, включающей неопубликованные материалы пяти федеральных и региональных архивов, а также разнообразные опубликованные источники, многие из которых относятся к труднодоступным, что, несомненно, повышает научную ценность монографии. Авторы активно использовали региональную периодическую печать, законодательные и нормативно-правовые документы, путевые очерки, краеведческую и этнографическую литературу, а также источники личного происхождения, что позволило, с одной стороны, проследить глобальные процессы, происходившие на Кольском Севере, а с другой – осуществить анализ на микроуровне с акцентом на изучение повседневной жизни населения и самоидентификацию различных социальных групп. О том, что тематика монографии вызрела в течение достаточно длительного времени, свидетельствует приведенный во введении список работ авторов, так и иначе связанных с проблемой освоения региона и формирования идентичности жителей Кольского полуострова [4, с. 10].

Первая глава монографии за авторством Е. А. Ореховой представляет собой классическое историческое исследование, посвященное колонизации Мурманского берега в межвоенный период. Оно основано на скрупулезно проработанной источниковой базе, включающей, прежде всего, архивные документы, статистические материалы и местную периодику. Исследование во многом построено с ориентацией на хронологический принцип: автор выделяет два этапа колонизации, которые, по сути, представляют собой две разные модели: т. н. «железнодорожную колонизацию» 1920-х гг. и сменившую ее в последующее десятилетие «социалистическую». Причем уделяется внимание и периоду 1914 – 1920 гг., в рамках которого закладывались идеи, ставшие фундаментом для грядущих колонизационных мероприятий, и эту

линию преемственности исследователь старается проследить на протяжении всей главы. С другой стороны, период 1920 – 1930-х гг. противопоставляется предшествующему на основании специфики колонизации, приобретшей плановый и централизованный характер и вписанной в общий процесс экономического освоения Севера [4, с. 74].

В рамках заявленных этапов внимание автора концентрируется на динамике численности колоний и их населения, изменениях, касающихся национального состава, планировании и осуществлении колонизационных мероприятий, основных проблемах, возникающих в ходе колонизации, в том числе и связанных с взаимоотношениями коренного и пришлого населения. Е. А. Орехова выявляет влияние смены внутривластных установок и изменений международной обстановки на ход колонизационной политики.

В качестве новых тенденций, характерных для первого этапа, автор выделяет образование колоний с преобладающим либо значительным саамским населением, появление городских колонистов и колонистских объединений, деятельности которых, как и деятельности факторий, уделяется большое внимание в рамках данной главы [4, с. 38–57]. При этом в 1920-е гг. прослеживаются также черты, сложившиеся еще на дореволюционном этапе, в частности, добровольность переселения и ориентация на уроженцев северных территорий [4, с. 58]. Однако, как показывает исследователь, начавшийся процесс деколонизации окраин, обострившиеся конфликты с соседними регионами по поводу вербовки переселенцев, продовольственные трудности, которые, по мнению властей, можно было решить за счет развития рыбной промышленности на Мурманском берегу, ориентация на развитие внешней торговли, а также изменения внутривластного курса повлияли на смену модели колонизации.

Особенностями нового этапа стали принудительный характер переселения, коллективные формы колонизации, упор на индустриализацию с искоренением частной инициативы, ограничение переселенцев по социальному признаку, вовлечение в орбиту коллективизации традиционного хозяйства местного населения, чистки по национальному признаку. Новые формы колонизации повлекли за собой и новые проблемы, в частности, связанные с необходимостью изолировать принудительно переселенных [4, с. 58–61]. Автор акцентирует внимание и на изменении национального состава в рамках данного периода, в частности, на росте русского населения и сокращении численности представителей других национальностей в результате ассимиляционных процессов, затронувших различные этнические группы, и депортации, коснувшейся финнов и норвежцев, что уничтожило последнюю специфическую черту колоний Мурманского берега – многонациональность. Итогом происходивших в стране процессов с ориентацией на унификацию и подчинение общей системе разнообразных групп населения стала, как констатирует исследователь, ликвидация статуса колонистов и самих колоний, на месте которых появились объекты военной инфраструктуры, в т. ч. и «закрытые» населенные пункты [4, с. 75].

В фокусе внимания автора второй главы, Е. Ю. Дубровской, оказываются строители Мурманской железной дороги и население прилегающих территорий в годы Первой мировой войны. Данный период представляет особый интерес для исследователя, занимающегося проблемами идентичности, поскольку не только Первая мировая, но и начавшаяся Гражданская война, и революционные события, потрясшие страну, оказали несомненное влияние на изменение системы ценностей и ориентиров населения, проживавшего либо оказавшегося волей судьбы в годы военного лихолетья на Кольском Севере.

Глава открывается историографическим обзором, охватывающим исследование, включающие анализ социально-политической ситуации на Севере России в го-

ды Первой мировой войны. Во вводной части приводятся также важные для автора теоретические работы, посвященные понятию идентичности. Здесь кратко охарактеризована и газета «Мурманский путь», издававшаяся дорожным комитетом Союза служащих и рабочих Мурманской железной дороги [4, с. 76–80]. Ценность данного источника, отразившего восприятие происходивших событий людьми, задействованными на строительстве магистрали, не вызывает сомнения. Однако стоит отметить, что автор, характеризуя пространство сооружения железнодорожного пути, связавшего Петроград с побережьем Баренцева моря, широко привлекает и другие периодические издания, а также разнообразные архивные материалы.

В центре оказывается изучение повседневной жизни как местного населения, в частности, жителей Терского берега и Карельского Поморья, так и различных категорий рабочих, привлеченных к строительству: от вольнонаемных выходцев из российских губерний до военнопленных германской и австро-венгерской армий. Погружению в пучину повседневной жизни, воссозданию ее целостной картины способствуют не только передающие личные впечатления и эмоции авторов воспоминания и жанрово разнообразные материалы периодики – от травелога до публикации, близкой по своей тональности фельетону, но и материалы сельских сходов и отчеты сенаторской ревизии.

Опираясь на материалы периодики, автор показывает, как конструируются идеализированный образ прошлого и характеризующийся экстремальными условиями существования образ настоящего, упоминая об инверсии оценок прошедшего и событий современности в последующие годы и корректировке и мифологизации прошлого в рамках большевистского дискурса [4, с. 90]. При анализе разнообразных материалов вскрывается не только оппозиция прошлого и настоящего, но и противопоставление «свой – чужой», «локальная – столичная идентичность» и т.п. Автор обращается к самым разнообразным сюжетам, показывая, как радужные ожидания трудовых мигрантов резко контрастируют с суровой реальностью [4, с. 82–89], как строительство магистрали, осмысляемой в качестве проводника русской православной культуры, становится в провинциальной публицистике своего рода инструментом борьбы с панфинским влиянием [4, с. 92–93]. Интересен и приводимый Е. Ю. Дубровской спектр оценок результатов строительства: от восторженных высказываний в столичной прессе, акцентирующих внимание на будущности края и формирующих иллюзию скорого использования туристического потенциала северных территорий, до трезвых и нелюбимых суждений специалистов-железнодорожников [4, с. 97–99].

Красной нитью через все исследование проходит мысль о том, что временный характер стройки не способствовал сплочению коллектива строителей железной дороги несмотря на то, что Мурманская магистраль обладала большим потенциалом для формирования региональной идентичности. Рабочие, как правило, не отождествляли себя с северным краем и действовали в своих интересах; они разнились в оценках явлений социально-экономической жизни региона с коренным населением, демонстрирующим специфическую береговую идентичность; их объединяла не гражданская идентичность и чувство долга, к которым пытались воззвать власти, а обида, разочарование и пессимизм обманутых людей, постоянное ощущение угрозы смерти, негативное отношение к военнопленным, задействованным на строительстве магистрали, и вообще ко всем этнически, а также социально чуждым [4, с. 82, 84, 99, 104, 108, 112, 116, 119–120, 130, 132–133].

Третья глава монографии, написанная О. А. Бодровой, посвящена саамам Экоостровского погоста в 1900 – 1930-х гг. Исследование открывается параграфом, воссоздающим этнографический портрет саамов Кольского полуострова в XIX – XX вв. Здесь автор перечисляет локальные группы саамов, приводит общую характеристику

поселений кольских саамов (погостов, или сийтов), их хозяйственных занятий, особенностей материальной и духовной культуры, языка. Затем исследователь характеризует локальную группу имандрских саамов, проживавших в Бабинском, Масельгском и Экоостровском погостах, расположенных вдоль крупнейшего водоема Кольского полуострова озера Имандра. Кроме специфики территории, их объединяют такие признаки, как общность экзотонима в древнерусских источниках, языковая близость, единство эндогамного ареала, сходство хозяйственно-культурного комплекса, поэтому рассмотрение автором специфики хозяйственно-культурной жизни всей локальной группы на примере одного из погостов – Экоостровского – представляется вполне оправданным [4, с. 134–139].

При написании главы О. А. Бодрова опирается на архивные источники, опубликованные статистические сведения и отчеты, а также на разнообразные очерки – путевые, этнографические, краеведческие, справедливо расценивая их как своего рода полевые материалы. В работе задействованы также визуальные источники и картографические материалы. Автор углубляется в историю погоста вплоть до XVI в., определяет его локализацию с учетом перемещений, объясняя их причины, останавливается на этимологии названия. Исследователь и далее работает с языковыми данными, выявляя, в частности, отражение специфики традиционных занятий в топонимике [4, с. 154, 155]. Стоит отметить особое внимание автора к различиям, содержащимся в источниках. Так, характеризуя территориальное и социальное устройства погоста, О. А. Бодрова выявляет и объясняет картографические ошибки и путаницу в материалах переписи [4, с. 147, 149]. Микроисторический анализ включает не только характеристику погоста. Значительное внимание автор уделяет трем основным фамилиям экоостровских саамов и даже отдельным представителям рода, описывая состав их семей и скрупулезно воссоздавая представление об их семейных угодьях [4, с. 149–152].

Исследователь отмечает, что по сравнению с охотой и рыболовством оленеводство было слабо развито, хотя дикий олень играл одну из ведущих ролей в хозяйстве экоостровских саамов [4, с. 154–155]. Акцентируя внимание на бедности населения [4, с. 153], автор подчеркивает его способность к адаптации под экономические нужды погоста, проявляющуюся в освоении дополнительных промыслов, таких как судостроение, изготовление изделий из бересты, рубка леса и получении доходов от торговли. Свидетельством высокой степени мобильности и адаптивности к меняющимся социально-экономическим условиям являются также, по мнению О. А. Бодровой, второстепенные промыслы, такие как извоз, и новые занятия саамов, в частности, работа проводниками, сторожами-смотрителями на почтовых станциях и в станционных казармах. Устанавливая локализацию станционных казарм, автор отмечает, что именно они послужили причиной того, что погост сменил свое местоположение. А второстепенные промыслы и более частые контакты с русскими в связи с их развитием обусловили, с точки зрения исследователя, особый тип миграции имандрских саамов и более быстрый переход их к оседлому образу жизни. По сути, эти же причины привели и к утрате некоторых элементов традиционной культуры [4, с. 155, 161, 164–165].

Рассматривая Экоостровский погост в контексте административных преобразований 1920 – 1930-х гг. и появление железнодорожных и переселенческих поселков, автор отмечает, что переселенческая политика не была направлена на приведение саамов к оседлости, однако появление смешанного населения на бывших саамских территориях привело к возникновению комбинированного хозяйства, сочетавшего саамский и привнесенный элементы. При этом в 1920-е гг., несмотря на появление телеграфной сети и железной дороги, культура экоостровских саамов все еще оставалась традиционной [4, с. 167–168]. Окончательный переход к оседлости,

по наблюдениям исследователя, происходит в 1930-е гг., чему способствуют процессы индустриализации, урбанизации и коллективизации [4, с. 175–176]. Своего рода символом нового этапа становится фигура Калины Ивановича Архипова как первого оседлого саама. Представляют несомненный интерес рассуждения автора, развенчивающего миф о Калине Ивановиче как основателе Мончегорска. По мнению О. А. Бодровой, он выступает как проводник культурного героя, академика А. Е. Ферсмана, предстающего в некоторых источниках в качестве демиурга по отношению к данному городу, но при этом во многом поспособствовавшего романтизации и мифологизации образа Архипова [4, с. 171–173].

Следующая глава, написанная О. В. Змеевой, посвящена процессам урбанизации и индустриализации Кольского Севера. В центре внимания исследователя оказываются события, повлиявшие на формирование историко-этнографического профиля региона. Автор использует самые разнообразные опубликованные и неопубликованные источники, начиная от отчетов, докладов и речей и заканчивая воспоминаниями, а также произведениями детской литературы, как научно-популярной, так и художественной. Глава открывается кратким экскурсом в историю строительства железной дороги, который завершается тезисом о том, что временный характер стройки повлиял на формирование весьма непрочного коллектива строителей, часто действовавшего как совокупность временных социальных групп [4, с. 179]. Данный тезис раскрывается затем в последующих параграфах. Историкографический обзор включает исследования, касающиеся мобилизации и использования рабочих, а также межэтнических взаимодействий [4, с. 179–181].

Автор подробно останавливается на проблемах, связанных с набором рабочей силы, и этапах ее привлечения [4, с. 182–189], дополняя сюжеты, изложенные во второй главе, точно так же как Е. Ю. Дубровская развивает отдельные наблюдения коллеги. Эту постоянную «переключку» авторских идей, характерную для всего текста, стоит признать несомненным достоинством монографии, связывающим ткань повествования в единое целое.

Опираясь на теорию Т. Парсонса, О. В. Змеева рассматривает контроль и координацию как основные меры установления социального порядка среди разношерстного контингента строителей железной дороги и утверждает, что критерий группировки рабочих по их гражданской принадлежности был более существенным для установления социального порядка, интегрируя различные этнические общности в условную группу «русских», связанных общей задачей строительства магистрали [4, с. 190–191], хотя далеко не все, как демонстрируют наблюдения самого автора и Е. Ю. Дубровской, осознавали ее значимость. Как подчеркивает исследователь, социальный порядок в этих сложных условиях обеспечивался не только усилиями начальства и службы охраны, опиравшихся на разработанную нормативно-правовую базу, но и за счет традиций этнических групп, поддерживаемых руководством стройки [4, с. 192–194].

Следующие несколько параграфов посвящены образу Мурманска, реконструируемому на основе различных текстов, большинство из которых относится к современному периоду. Это, казалось бы, отступление от темы, тем не менее, органично встраивается в логику повествования об истории города и формирования идентичности мурманчан. Ключевые формулы локальной идентичности включают выделенные автором свойства города, типология которых (уникальные – специфические – уступающие), проиллюстрированная примерами, размещена для удобства восприятия в виде таблицы [4, с. 200–201]. Рассматривая полиэтничность как важнейшую характеристику города, отраженную, в том числе, и неофициальной микротопонимике, исследователь подчеркивает живучесть сюжетов о пребывании на месте будущего города коренного населения, отмечая, что сохранение и актуализация саамской

символики в догородской истории является результатом целенаправленной деятельности как самих горожан, так и специалистов [4, с. 210–211]. Временность как характеристика самой стройки и общности строителей распространяется, по наблюдениям О. В. Змеевой, и на образ молодого города, воспринимаемого приезжими как «временная стоянка людей» или «большая ночлежка», а амбивалентное отношение к Мурманску, выражаемое формулой «не город и не деревня» будет сохраняться вплоть до середины XX в. [4, с. 212–213]. При этом темпы строительства влияли, с точки зрения автора, на восприятие социального пространства и жителей города: пространство характеризовалось как неустоявшееся и неоформившееся, а жители воспринимались как географически и социально мобильные, что исторически определялось профессиональной спецификой мужского населения, связанного с морской деятельностью [4, с. 214–215].

Отдельный, казалось бы, вполне прозаический сюжет главы связан с геолого-минералогическими открытиями и освоением центральной части полуострова. Однако авторский подход к материалу и его интерпретации придает этому сюжету особый колорит. В фокусе внимания О. В. Змеевой оказывается фигура академика А. Е. Ферсмана, который рассматривается, прежде всего, не как выдающийся исследователь в области естественных наук, а как культурный герой и фактически творец местной истории. Предметом анализа выступает система представлений академика о производстве геологических исследований в центральной части полуострова в 1920 – 1930-е гг., которую О. В. Змеева предлагает рассматривать в рамках теории социального конструктивизма как миф об освоении Хибин, развиваемый его последователями и транслируемый последующим поколениям. Воспринимаемый как реальность, он служит, с одной стороны, важнейшим элементом идентичности северян, а с другой – основой для формирования историко-этнографического профиля региона [4, с. 217–220, 238]. В качестве рамочных событий этой истории исследователь предлагает рассматривать первую поездку А. Е. Ферсмана и формирование регионального научного сообщества, подчеркивая при этом их символическое значение [4, с. 223, 234–235]. Геологи, выступающие в роли краеведов и антропологов и контактировавшие, прежде всего, с саамами и железнодорожными рабочими, выполнявшими функции проводников, оказывались теми, кто фиксировал ценные сведения о жителях края, не воспринимаемого при этом вплоть до строительства городов как обитаемый, однако расцениваемого как имеющий огромные перспективы для создания нового социального мира [4, с. 229–232].

В фокусе внимания автора завершающей главы И. А. Разумовой оказывается проблема социально-культурной идентификации спецпереселенцев как категории населения, сыгравшей огромную роль в истории края. Глава открывается обстоятельным историографическим обзором, акцентирующим внимание на сложных вопросах, связанных с применяемой терминологией [4, с. 240–241], противоречиями в оценках истории спецпереселений [4, с. 244], а также перспективах исследования локальных историй с целью изучения проблемы вариантивности процесса спецпереселений [4, с. 242–243]. В качестве основного источника используются воспоминания, извлеченные из архивных фондов и малотиражных печатных изданий, что обуславливает их особую ценность и делает доступными широкому кругу читателей. Автор характеризует специфику воспоминаний, подчеркивает определенные сложности, возникающие при работе с ними (проблема атрибуции, принадлежность мемуаристов к разным поколениям, в том числе и тем, которые непосредственно не участвовали в событиях, что предполагает обращение к понятию постпамяти). В фокусе исследования оказывается, прежде всего, семейная память, в которой преломляется история государства и которая может стать национальным достоянием, пройдя процесс институализации [4, с. 245–247].

Описывая историю спецпереселений сквозь призму персональных биографий и семейных историй, автор выявляет ключевые моменты (события, мотивы, образы), характерные для семейного нарратива, начиная с выселения и заканчивая перечнем обстоятельств, при которых биографии приобретают нормализованное завершение, либо перечнем свидетельств «не завершенной» жизни [4, с. 248, 258–259]. И. А. Разумова показывает, как постепенно на фоне происходивших событий, изменений условий существования происходит трансформация идентичности: от осознания себя жертвой до формирования идентичности первостроителя, горожанина, жителя Севера [4, с. 258–259]. Подчеркивая роль семейного фактора в модернизации, автор уделяет особое внимание семейной идентичности. Акцентируя внимание на адаптивных стратегиях семьи и способах противостояния власти, исследователь приходит к выводу, что ценность семьи для данной категории населения оказывается важнее ценности свободы, а продолжение рода осмысливается в рамках семейной истории как «победный» результат этого противостояния [4, с. 262–265].

Рассматривая общность спецпереселенцев, автор выделяет ряд присущих данной категории свойств и сопутствующих обстоятельств. Отмечается, что государство меняло свои идентификаторы в зависимости от насущных интересов, но на самоидентификации спецпереселенцев это почти не сказывалось [4, с. 272–274]. Особый интерес представляет параграф, в котором на основе воспоминаний выделяются ключевые концепты, своего рода культурные маркеры общности спецпереселенцев, такие как страдание, правда, труд, честь и т.д., являющиеся важнейшими концептами национальной культуры. Здесь хочется отметить чуткий подход автора к материалу: воссоздавая коллективный портрет общности, исследователю удается на первый план выдвинуть личность с ее разнообразными переживаниями, страхами и надеждами [4, с. 274–286].

Параграф «Динамика социальных границ: биографическое изменение» во многом развивает тему формирования и трансформации идентичности спецпереселенцев, сосредотачиваясь на проблеме конфликта идентичностей прошлого и настоящего. Автор отмечает, что не всем спецпереселенцам удалось преодолеть социальную стигматизацию и принять новую идентичность «северян», «строителей города». Однако и те, кто принял ее, и те, кто не смог это сделать даже после официального упразднения категории спецпереселенцев оказались включенными в символическую общность бывших спецпереселенцев, общность «значим[ую], жертвен[ую], героическ[ую]», высоконравственную», такую, от которой невозможно дистанцироваться, отказавшись от данного статуса [4, с. 292].

Важным аспектом является рассмотрение процесса самоидентификации спецпереселенцев в системе отношений «свой – чужой (другой)», где «свои» (осужденные, ссыльные, инонационалы, а также учителя и преподаватели на месте прибытия) маркируются как «жертвы», а «чужие» (власть и ее исполнители, чаще всего представляющие в качестве непреодолимой обезличенной силы) – как «насильники», а коллективным объектом насилия выступает семья [4, с. 291–292, 300, 303, 315]. При этом в отношении первых автор уделяет большое внимание факторам сближения, а в отношении вторых – формам сопротивления спецпереселенцев и факторам, влияющим на степень негативизма в отношении к власти. Представляют особый интерес наблюдения исследователя, связанные с влиянием на восприятие конкретных обличенных властью персоналий статусно-ролевого и личностного факторов, в результате чего образ оценивался положительно, и даже мифологизировался, наделяясь чертами патрона, опекуна, наставника, как это произошло с С. М. Кировым. Как правило, так воспринимали людей, олицетворяющих центральную власть, но отвечающих на организацию управления на данной территории, а также представителей местной власти. При этом негативные ассоциации были связаны, прежде всего, с ис-

полнителями надзирающих и карательных функций [4, с. 306–308]. Причем мотивы поведения представителей власти в воспоминаниях чаще всего зависели, по мнению, мемуаристов, от личных качеств человека [4, с. 311].

Отдельно автор рассматривает взаимоотношения спецпереселенцев и прочих «свободных людей», у которых, в отличие представителей власти, была возможность выбора линии поведения (односельчан, «других» на месте прибытия), варьирующиеся от напряженных и отчужденных до дружеских и родственных, причем исследователь показывает, как в итоге граница между «вольными» и «невольными» сглаживается, а пребывание спецпереселенцев на территории Кольского Севера влияет на формирование его образа [4, с. 311–317].

В заключительном параграфе «Воссоздание общности: послесловие» автор отмечает, что переломными в отношении самоидентификации спецпереселенцев, которые на данный момент являются исторической и символической общностью, являются 1989 – 1991 гг., когда был принят ряд документов, признавших их жертвами режима, нуждающимися в реабилитации [4, с. 317–318]. Особое внимание уделяется формированию дискурса, в рамках которого говорят и пишут о спецпереселенцах, базирующегося на таких ключевых культурных концептах, как «память», «судьба», «семья», «род», субъектам, участвующим в формировании групповой идентичности «спецпереселенцев», а также неоднозначному отношению к спецпереселенцам в современном российском обществе [4, с. 320–324]. Чрезвычайно важным представляется заключение автора, солидаризирующегося с мнением П. Нора, о недопустимости перехода от «скромной» памяти к «обвиняющей» [4, с. 325], т. е., по сути, о гармонизации взаимоотношений в обществе, основанной на признании разных версий прошлого, но не допускающей радикализации взглядов, способствующей общественному расколу.

В заключении монографии основное внимание сосредотачивается на изменении положения Кольского Севера. Авторы еще раз подчеркивают ключевое значение в этом процессе строительства Мурманской железной дороги, а затем городов и промышленных объектов, что, в свою очередь, кардинально повлияло на судьбы старожилов Кольского полуострова. В качестве итогового вывода констатируется, что разные категории населения, сведенные волею судеб на этой территории, в рассматриваемый период еще не сформировали региональную общность, однако именно в это время начал создаваться образ Кольского Севера как «преображенной земли», созданной руками «первопроходцев» [4, с. 327].

Стоит отметить, что коллективу авторов удалось создать целостное повествование, описав, с одной стороны, глобальные события и процессы, а с другой – не упустив детали, крайне важные для историка, стремящегося понять, как люди реагировали на происходившие события, как они их воспринимали и оценивали. Заслуга исследователей состоит и в том, что они на страницах монографии не только воссоздают историю края в ее социальном и антропологическом измерении, но и показывают, как она конструируется усилиями отдельных знаковых личностей, а также социальных групп, предлагающих свое видение и свою интерпретацию происходивших событий, которая во многом служит для ориентации в настоящем. И эта палитра версий позволяет как историкам, утратившим иллюзию достижения истины, так и широкому кругу читателей, интересующихся самыми разными вопросами – от локальной истории и истории повседневности до проблем, связанных с коллективной памятью и формированием идентичности, обогатить свое представление о прошлом. По сути, данная монография является прекрасным примером того, как новые научные подходы помогают изменить формат исследования, выводя его за рамки чисто событийной истории в ее социальном измерении. При этом хотелось бы надеяться, что актуальность исследования обеспечит его востребованность не только

в научных кругах, но и на политико-административном уровне при разработке конкретных программ освоения северных территорий, эффективность которых зависит, в том числе, и от учета советского опыта.

Список источников и литературы

1. Двинин Е. А. Край, в котором мы живем. Мурманск: Кн. изд-во, 1966. 242 с.
2. Киселев А. А. Родное Заполярье: Очерки истории Мурманской области (1917 – 1972 гг.). Мурманск: Кн. изд-во, 1974. 511 с.
3. Маркушина Н. Ю. Внешние связи Северо-Западного Федерального округа Российской Федерации и концепция «Нового Севера» // Балтийский регион. 2011. № 2. С. 102–111.
4. Население Кольского полуострова между двумя мировыми войнами: взгляд историков и антропологов / под общ. ред. О. В. Змеевой. М.: Наука, 2022. 366 с.
5. Никонов С. А. «Кто в море не ходил, тот богу не маливался»: промысловая колонизация Мурманского берега и Новой Земли крестьянами и монастырями Поморья в XVI – XVIII вв. СПб.: Нестор-История, 2020. 496 с.
6. Освоение Кольского Севера: эволюция процесса, 2-я пол. XIX – нач. XXI вв. : к 155-летию начала колонизации Мурманского берега Кольского полуострова : материалы обл. науч.-практ. конф., 27 ноября 2015 г., г. Мурманск / сост. С. А. Заборщикова. Мурманск: РУСМА, 2015. 92 с. Электрон. копия печ. изд. URL: <https://www.murmanarchiv.ru/images/stories/confern/sbornik-koloniz.pdf> Доступ на сайте Гос. архива Мурманской обл.
7. Основные показатели воспроизводства населения по Мурманской области до 2045 года (средний вариант прогноза от базы на начало 2023 года) // Мурманскстат: Территориальный орган Федеральной службы гос. статистики по Мурманской обл. : офиц. сайт. Дата размещения: 16.01.2024. URL: <https://51.rosstat.gov.ru/folder/222319> .
8. Попов Г. П., Давыдов Р. А. Мурман. Очерки по истории края XIX – начала XX века. Екатеринбург: УрО РАН, 1999. 221 с.
9. Социально-экономическое положение Мурманской области в 2023 году // Мурманскстат: Территориальный орган Федеральной службы гос. статистики по Мурманской обл. : офиц. сайт. Мурманск, 2023–2024. URL: <https://51.rosstat.gov.ru/folder/36664/document/36667> (дата обращения: 24.12.2023).
10. Ушаков И. Ф. Кольская земля. Очерки истории Мурманской области в дооктябрьский период. Мурманск: Кн. изд-во, 1972. 672 с.
11. Федоров П. В. Культурные ландшафты Кольского Севера: структура и историческая динамика. Мурманск: ИГГУ, 2014. 175 с.
12. Федоров П. В. Россия, окруженная водой: обзор истории Кольского полуострова, 1216 – 1991. СПб.: Арт-Экспресс, 2021. 726 с.

References

1. Dvinin, EA 1966, *Kray, v kotorom my zhivym* (The region we live in),: Kn. izd-vo publ, Murmansk. (In Russ.)
2. Kiselev, AA 1974, *Rodnoye Zapolyarye: Ocherki istorii Murmanskoy oblasti (1917 – 1972 gg.)* (Native Polar Region: Essays on the history of the Murmansk Region (1917 – 1972)), Kn. izd-vo publ, Murmansk. (In Russ.)
3. Markushina, NYu 2011, ‘Vneshniye svyazi Severo-Zapadnogo Federal'nogo okruga Rossiyskoy Federatsii i kontseptsiya «Novogo Severa»’ (External relations of the North-Western Federal District of the Russian Federation and the concept of ‘New North’), *Baltic Region*, no. 2, pp. 102–111. (In Russ.)
4. Zmeyeva, OV (ed.) 2022, *Naseleniye Kolskogo poluostrova mezhdv dvumya mirovymi voyunami: vzglyad istorikov i antropologov* (Population of the Kola Peninsula between the two world wars: view of historians and anthropologists), Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
5. Nikonov, SA 2020, “*Kto v more ne khodil, tot bogu ne malivalsya*”: *promyslovaya kolonizatsiya Murmanskogo berega i Novoy Zemli krestyanami i monastyryami Pomorya v XVI*

- XVIII vv. (“They who never sailed the sea, never truly prayed to God”: Commercial colonization of the Murmansk coast and Novaya Zemlya by the Pomor peasants and monasteries between the 16th and the 18th centuries), Nestor-Istoriya publ, Moscow, St. Petersburg. (In Russ.)
6. Zaborshchikova, SA (ed.) 2015, *Osvoeniye Kolskogo Severa: evolyutsiya protsessa. 2-ya pol. XIX – nach. XXI vv., k 155-letiyu nachala kolonizatsii Murmanskogo berega Kolskogo poluostrova* (Development of the Kola North: evolution of the process. 2nd half of the 19th – early 21st centuries. to the 155th anniversary of the beginning of colonization of the Murmansk coast of the Kola Peninsula), 27 November 2015, RUSMA publ, Murmansk, <https://www.murmanarchiv.ru/images/stories/confern/sbornik-koloniz.pdf> (In Russ.)
  7. ‘Osnovnyye pokazateli vosproizvodstva naseleniya po Murmanskoy oblasti do 2045 goda (sredniy variant prognoza ot bazy na nachalo 2023 goda)’ (Main indicators of population reproduction in the Murmansk Oblast until 2045 (average forecast variant from the base at the beginning of 2023)), *Murmanskstat: Territorialnyy organ Federalnoy sluzhby gos. statistiki po Murmanskoy obl*, viewed 24 December 2023, <https://51.rosstat.gov.ru/folder/222319> (In Russ.)
  8. Popov, GP & Davydov, RA 1999, *Murman. Ocherki po istorii kraya XIX – nachala XX veka*. (Murmansk. Essays on the history of the region in the 19th – early 20th century), UrO RAN publ, Ekaterinburg. (In Russ.)
  9. ‘Sotsialno-ekonomicheskoye polozheniye Murmanskoy oblasti v 2023 godu’ (Socio-economic situation of the Murmansk Oblast in 2023), *Murmanskstat: Territorialnyy organ Federalnoy sluzhby gos. statistiki po Murmanskoy obl*, viewed 24 December 2023, <https://51.rosstat.gov.ru/folder/36664/document/36667> (In Russ.)
  10. Ushakov, IF 1972, *Kolskaya zemlya. Ocherki istorii Murmanskoy oblasti v dooktyabrskiy period* (Kola Land. Sketches of the history of the Murmansk region in the pre-revolutionary period), Kn. izd-vo publ, Murmansk. (In Russ.)
  11. Fedorov, PV 2014, *Kulturnyye landshafty Kolskogo Severa: struktura i istoricheskaya dinamika* (Cultural Landscapes of the Kola North: Structure and Historical Dynamics), IGGU publ, Murmansk. (In Russ.)
  12. Fedorov, PV 2021, *Rossiya, okruzhennaya vodoy: obzor istorii Kolskogo poluostrova, 1216 – 1991* (Russia surrounded by water: an overview of the history of the Kola Peninsula. 1216 – 1991), Art-Ekspress publ, St. Petersburg. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 05.03.2024
Одобрена после рецензирования: 21.06.2024
Принята к публикации: 13.09.2024

The article was submitted: 05.03.2024
Approved after reviewing: 21.06.2024
Accepted for publication: 13.09.2024